

государства до сих пор остается непоколебленной, и те, которые пытались поколебать ее, терпели заведомую неудачу“.¹

Невозможно, на наш взгляд, согласиться с попыткой Васильевского приурочить время действия „Записки греческого топарха“ ко времени похода Святослава на Болгарию. Следует также признать ошибочным вывод Васильевского, что два письма Михаила VII Дуки адресованы русскому князю Всеволоду. Васильевский приурочивает эти письма к 1073—1074 гг. Он считает, что одна из дочерей Всеволода была раньше помолвлена с сыном Романа Диогена и что Михаил VII, обращаясь к Всеволоду с предложением брачного союза, желал за это получить военную помощь или во всяком случае невмешательство русских в болгарское восстание 1073 г. Точка зрения Васильевского была затем поддержана его учеником П. В. Безобразовым и с некоторыми вариантами была принята почти всеми русскими учеными.

Но аргументы Васильевского искусственны и неубедительны. Зажатая между двумя врагами — турками-сельджуками и южноитальянскими норманнами, лишенная в то время возможности бороться с оружием в руках против этих противников, Византия должна была сделать попытку обезоружить одного из этих противников и противопоставить его другому. Что такая попытка и была в то время действительно сделана Византией, показывает брачный договор, заключенный между Робертом Гюискарром и Михаилом VII Дукой, о браке сына Михаила и дочери Роберта, договор, опубликованный Безобразовым.² Поэтому письма Михаила Дуки адресованы были Роберту Гюискарру и не могут считаться источниками для характеристики русско-византийских отношений второй половины XI в.

Но справедливость требует признать, что и теперь, спустя 50 лет после смерти Васильевского, многие его труды в области византийско-русских отношений остаются непоколебленными, несмотря на то, что некоторые представители современной буржуазной историографии стремились опаривать их. В трудах Васильевского многие важные моменты в древнейшей жизни русского народа были представлены совсем в новом историческом освещении.³ Васильевский первый обратил внимание на тот факт, что русские на заре своей истории играли гораздо более значительную культурно-политическую роль, чем это было принято думать раньше. На основании источников он обосновал то положение, что русских купцов на Западе хорошо знали в немецких придунайских городах в начале X в., а на Востоке в Багдаде они появились на целое столетие раньше. Васильевский, сам того не желая, нанес серьезный удар норманистам, доказав на основании анализа жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, что народ, называвшийся Русью, с успехом осаждал Амастриду и Сурож уже в начале IX в.⁴

В работах Васильевского „Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI—XII вв.“⁵ и „К истории 976—986 годов“⁶ крещение Руси при Владимире впервые получило правильное освещение как событие большого значения в мировой истории.

¹ В. Г. Васильевский, Труды, т. III, Пгр., 1915, стр. 667.

² П. В. Безобразов. Незданный брачный договор Михаила VII Дуки с Робертом Гюискарром. ЖМНП, ч. 265, 1889, сентябрь, стр. 23—31.

³ См., например: В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, ч. 258, 1888, июль.

⁴ В. Васильевский. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Труды, т. III.

⁵ В. Г. Васильевский, Труды, т. I. СПб., 1908.

⁶ Там же, т. II, вып. 1, СПб., 1909.